

И. А. ИЛЬИН

Что нам делать?

Глубокоуважаемый Николай Викторович!

Вы просили меня, чтобы я написал для Вашего журнала «о себе самом». Я понимаю это так, что мне следует формулировать для Ваших читателей мои *жизненные воззрения и убеждения*. Я делаю это с радостью. И при этом исхожу из вопроса: *что нам делать?* — нам, русским людям, верным России и ищущим путей к ее возрождению...

И вот, с самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а *духовный*. Трудности хозяйственные и политические могут возникнуть и накопиться везде и могут обрушиться на каждое государство. Но каждому народу даются *духовные силы* именно для того, чтобы преодолевать эти трудности и творчески справляться с ними, не впадая в разложение и не отдавая себя на соблазн и растерзание силам зла... Но в роковые годы 1-й мировой войны (1914—1918) русские народные массы не нашли в себе этих необходимых духовных сил: эти силы нашлись только у героического меньшинства русских людей; а разложившееся большинство — ибо, за вычетом пассивно-нейтральных «хороняк», это было, по-видимому, большинство, — соблазнилось о вере, о Церкви, о родине, о верности, о чести и о совести, пошло за соблазнительями, помогло им задавить, замучить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими соблазнительями.

Политические и экономические *причины*, приведшие к этой катастрофе, бесспорны. Но *сущность* ее гораздо глубже политики и экономики: она *духовна*.

Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национально-го характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры.

Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо прежде всего *свободное дыхание* воли и разума — и честные, верные слова *диагноза, целения и прогноза*. А это дыхание отнято у него в России — уже тридцать лет. Оно имеется только у нас, за рубежом, и то далеко не у всех и не цельное. Отсюда наша величайшая ответственность перед Россией.

Мы не должны, мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения; признать их и приступить к *внутреннему очищению и исцелению*. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию. Мы должны *строить себя заново*: внутренне, духовно; готовить те верные слова и те оздоравливающие идеи, которые мы выскажем нашим братьям в России, в глубокой уверенности, что мы и там найдем наших единомышленников, втайне все время помышлявших и радевших о России, о ее очищении и восстановлении.

После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеем никакого основания гордиться тем, что мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны *свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи*. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все *основы нашей культуры*.

Мы должны заново спросить себя, что такое *религиозная вера*? Ибо вера *цельна*, она строит и ведет жизнь; а нашу жизнь она не строила и не вела. Мы во Христе крестились, но во Христа не облакались. Наша вера была заглушена страстями; она была разъедена и подорвана рассудком, который наша интеллигенция принимала за *Разум*. Поэтому мы должны спросить себя, что такое Разум и как добывается его *Очевидность*. Эта

очевидность разума не может быть добыта без *сердечного созерцания*. Им-то Россия и строилась больше всего: из него исходила (в отличие от католичества и протестантства) Православная вера; на нем покоилось в России верное правосознание и военная доблесть; им было проникнуто все русское искусство; им вдохновлялась ее медицина, ее благотворительность, ее чувство справедливости, ее многонародное братство.

И вот, *созерцающая любовь* должна быть вновь оправдана после эпохи ненависти и страха и вновь положена в основу обновляющейся русской культуры. Она призвана возжечь пламя русской веры и верности; возродить русскую народную школу; восстановить русский суд, скорый, правый и милостивый; и переродить русскую систему наказаний; она призвана перевоспитать в России ее администрацию и ее бюрократию; вернуть русскую армию к ее суворовским основам; обновить русскую историческую науку в традициях Забелина¹; окрылить и оплодотворить всю русскую академическую работу и очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное: ВОСПИТАТЬ В НАРОДЕ НОВЫЙ РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ХАРАКТЕР.

Подготавливая это духовное возрождение в наших исследованиях, мы должны поставить перед собою и разрешить ряд вопросов глубокого, последнего измерения.

Почему так необходима и драгоценна человеку духовная свобода, почему так важно воспитать в человеке самостоятельную и ответственную духовную личность? В чем сущность верного характера и как возрастить его в русских людях? Что такое христианская совесть и как осуществляется совестный акт? Почему надо беречь и держать в чистоте семейную жизнь? Как найти духовные *основы* и духовные *пределы* патриотизма и национализма? Чего требует справедливость — равенства или неравенства? Каковы суть аксиомы правосознания, нарушение которых разложит всякий режим и погубит всякое государство? Каковы суть необходимые аксиомы демократии, без коих ее нелепо вводить и бессмысленно поддерживать? В чем основы монархической власти, отсутствие которых погубит всякую монархию? Каковы суть аксиомы и задачи академического преподавания? Почему оно требует свободы для профессоров и самостоятельности от студентов? В чем состоит истинная свобода художника? В чем состоит художественность искусства? Почему ни одна отрасль духовной деятельности не терпит ни продажности, ни лести, ни личной, партийной и всякой иной закулисной протекции? В чем сущность здорового хозяйственного акта? Почему он требует свободной инициативы, частной соб-

ственности и братской щедрости? В чем состоит воочию обнаружившаяся антисоциальность социализма? В чем состоит противоестественность и отвратительность всякого тоталитаризма — все равно левого или правого? В чем различие между авторитарным строем и тоталитарным? Почему Россия выросла политически и духовно в авторитарном строе и стала мировою раною при тоталитарном порабощении?

Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и в своем падении, неизмеримо величайшем, чем то, о котором взывал некогда Хомяков²; вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но оно будет осуществлено и достигнуто.

А теперь позвольте мне сказать два слова о себе лично.

На протяжении всей моей жизни, с тех пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы, предшествовавшие Первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований.

Но я не торопился писать и печатать мои книги. Так, мое исследование «О сущности правосознания», законченное в 1919 г., читанное в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужденное не раз в заседаниях московского юридического общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры, доселе еще не увидело света. Я давал моим трудам спокойно вызревать в течение десятилетий. У меня есть темы, вынашивающиеся по тридцать лет («Учение о духовном характере», «Аксиомы религиозного опыта») и по сорок лет («Учение об очевидности», «Монархия и республика»). Я возвращался к каждой теме по многу раз, через пять-шесть лет, и все время накапливал материал; потом садился писать, записывал все, что было зрело, и снова откладывал. Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другой — и даю их читать моим друзьям и единомышленникам. Эмиграция этими исканиями не интересуется, а рус-

ских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу *только для России*.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Родился 28 марта 1883 г. в Москве. Среднее образование — в пятой и первой Московск<их> классических гимназиях. 1901—1906 <гг.> — юридический факультет Московского университета. 1906—1909 гг. — подготовка к магистрантскому экзамену. Декабрь 1909 г. — пробные лекции и звание приват-доцента по кафедре истории философии права. 1910 г. — чтение первого курса в Московском университете. 1910—1912 <гг.> — заграничная командировка (Германия, Франция, Италия). 1912—1922 гг. — преподавание в Московском университете и многих других высших учебных заведениях Москвы. 1918 г. — защита магистерской диссертации «Философия Гегеля»: степень доктора государственных наук. 1921 г. — избрание в преподаватели историко-филологического факультета; избрание в председатели Московского психологического общества. После процесса в революционном трибунале и нескольких арестов — в августе 1922 г. приговор по 58-й статье с заменой пожизненным изгнанием. С октября 1922 г. — жизнь в эмиграции. 1923—1934 гг. — профессура в Русском научном институте в Берлине. Публичные выступления в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехии, Югославии, Латвии и Эстонии. В 1934 г. — лишение кафедры за отказ преподавать, следуя партийной программе национал-социалистов. 1934—1938 гг. — доносы и преследования усиливаются: конфискация печатных работ и полный запрет выступлений. Июль 1938 г. — переезд в Швейцарию. Лекции в швейцарских народных университетах и ученых обществах. Ученые и литературные работы.

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ:

1. Кризис идеи Субъекта в наукоучении Фихте Старшего. 1911 г.
2. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. 2 тома. 1916—1918 гг.
3. Учение о Правосознании. Доселе не напечатано. 1919 г.
4. Основные задачи правоведения в России. 1921 г.
5. Религиозный смысл философии. 1924 г.

6. О сопротивлении злу силою. 1925 г.
7. Путь духовного обновления. Вера. Любовь. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Национализм. 1935 г. Вышла и на немецком языке. Переведена на итальянский, но еще не напечатана.
8. Основы художества. О совершенном искусстве. 1937 г.
9. Основы христианской культуры. 1937 г.
10. О тьме и просветлении. Книга литературной критики. Творчество Бунина. Творчество Ремизова. Творчество Шмелева. 1938 г. Не напечатано.
11. Огни жизни. Книга утешения. Вышла по-немецки в двух изданиях. 1938—1939 гг. Пишется по-русски.
12. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1943 г. По-русски не напечатана. Переведена на английский язык и не напечатана.
13. Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1942 г., 1944 г. Переведена на французский и на английский, но не напечатана.
14. О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд. Вышла по-немецки в Швейцарии. Пишется по-русски. 1945 г.
15. Аксиомы религиозного опыта. Заканчивается на русском языке.
16. О грядущей России. Заканчивается на русском языке.

Июнь, 1948 г.

